

О.И. ПРОСЯННИКОВА
(Санкт-Петербург)

СИНКРЕТИЗМ РИТУАЛА И ТЕКСТА ЗАКЛИНАНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКИХ ЗАГОВОРАХ

Заговоры, относящиеся к малым фольклорным жанрам, обладают, помимо общих черт, присущих фольклорным текстам, синкретизмом. Синкретичность заговоров обусловлена архаичностью их происхождения, особенностью первобытного мифологического мышления. Описываются различные модели построения англосаксонских заговоров, демонстрирующие синкретичность фольклорного текста независимо от структуры его построения.

Ключевые слова: *синкретизм, фольклорный текст, ритуал, заговор, англосаксонские заговоры.*

Фольклор как подлинно народное искусство уходит корнями в древнее творчество, в народный обряд, который соединял в себе танец, музыку и поэзию. Такое «сочетание ритмованных оркестрических движений с песней-музыкой и элементами слова» в народном обряде А.Н. Веселовский определил как первобытный синкретизм [2, с. 156]. Ученый заложил основы концепции генетического синкретизма, описав его нерасчлененно-слитную природу, которая лежит в основе чувственного восприятия мира, свойственного архаическому мышлению, архаическому сознанию целостного взгляда на мир, не осложненного дифференцирующим и рефлексивным мышлением [2]. Сравнивая фольклорные произведения разных народов, в частности немецкие и русские заговоры, и видя их сходство, Н.Ф. Буслаев объяснял это не только «родством племен, но и однообразием для всех законов мышления» [6, с. 14]. Предложенный А.Н. Веселовским термин *синкретизм* в отношении фольклора, а именно обрядового синкретического действия, понимался очень широко как общий принцип художественного и еще слитого с ним нехудожественного мышления. О.М. Фрейденберг, полемизируя с А.Н. Веселовским, соглашалась с тем, что мифопоэтическое сознание на этой стадии имеет цельный характер, нерасчлененный. Однако исследователь не поддерживала мысль о том, что архаические формы искусства берут начало из одного источника, и выдвигала на первый план осо-

бенность своеобразия, которая заключается в различном генетически независимом происхождении форм. О.М. Фрейденберг выдвигала тезис о том, что первобытное мышление отождествляло все явления жизни и повторяло свои представления в поливариантных друг к другу формах [10, с. 60–61].

Синкретизм заговора, таким образом, объясняется его природой и оригинальностью происхождения, уходящей корнями к особенностям первобытного мышления, когда человек не отделял себя от природы, а явления окружающего мира представлялись ему в слитной картине мифологического сознания, когда его собственная когнитивная деятельность не отделялась им от других видов деятельности. И в первую очередь важен тезис о свойственной первобытному мышлению нерасчлененности восприятия человеком себя и мира вокруг, абсолютным отождествлением себя с природой, неотделимостью себя от нее и невозможностью влиять на окружающий мир, его проявления и события, не опираясь на магические силы природы. Стремление управлять происходящим и воздействовать на него выливалось, в частности, в рождение заговорного обряда. Человек вступал в диалог с природой и окружающим миром, желая добиться результата, пытаясь словом и действием влиять на окружающий мир. Таким образом, слова заговора и ритуал, сопровождавший заклинание, были взаимозависимы и нераздельны. Отсюда и синкретичность заговора – неразделимость слова и дела, ритуала и текста. В сознании человека существовала модель или формула, согласно которой исполнение желания, достижение результата было возможно при соединении этих составляющих.

Соотношение фольклорного текста и ритуала и первичности этих традиций стало одной из центральных проблем фольклора и исследовалась Е.М. Мелетинским, Е.С. Новик, С.Ю. Неклюдовым [3]. Новик установила, что вербальный и невербальный тексты взаимосвязаны в структурном плане и восходят к единой устной традиции. Обряд и фольклор имеют общие закономерности: устность как трансляция от поколения к поколению, коллективность творчества и варьирование, обеспечивающее возможность приспособления к конкретным обстоятельствам [5, с. 11].

Одним из фольклорных жанров, имеющим корни в устной традиции первобытной культуры, является заговор, который Н.Ф. Познанский считал «отличным представителем при-

митивного синкретического творчества» [6, с. 4]. В заговоре ритуальный текст и фольклорный существуют синхронно и составляют синкретический комплекс, все элементы которого связаны отношениями семантического параллелизма, синонимии и равноправно участвуют в хранении, передаче и воспроизведении ритуального сообщения [4, с. 11; 8, с. 3].

Анализируя природу фольклорных текстов, М.А. Сердюк отмечает синкретизм как основополагающее понятие наряду с устностью, традиционностью и коллективностью. На основании исследований А.Н. Власова и С.Н. Бройтман М.А. Сердюк выделяет три стадии развития первобытной культуры в рамках развития фольклорного текста с точки зрения его синкретичности. Первый характеризуется первоначальным синкретизмом, когда фольклор представлял неосознанно-художественное творчество, был включен в практическую жизнь и реализовывал сакральную функцию [7, с. 148]. Поскольку нас интересует синкретичность заговоров, то рискованно предположить, что именно на этом этапе зарождается простейший по способу построения заговор, целью которого было достижение результата исключительно силой слова. Возможно, такая сила приписывалась бессмысленным магическим заклинаниям в виде «абракадабры». Второй этап характеризуется мировоззренческим синкретизмом, который проявляется в слитности и спаянности всех видов и форм восприятия – неосознанно-художественных, религиозно-мифических, естественно-реальных и т. д. [Там же]. На этой стадии в заговоре как фольклорном тексте, на наш взгляд, появляются художественные черты, начинает четко проявляться народное художественное сознание. Видимо, на этот период падает появление в текстах заговоров эпических вкраплений, демонстрирующих художественность и образность. В заговоре против острой боли *Wið Færsetice* после краткого вступления в виде инструкции (взять пиретрум, полынь, подорожник и сварить их в масле) следует эпическое повествование.

Hlūde wæran hȳ, lā hlūde, dā hȳ ofer þone hlāw ridan; wæran ānmōde, dā hȳ ofer ridan. Scyld dū dē nūm dȳsne nið genesan mōte! Ūt, lȳtel spere, gif hēr inne sie! Stōd under linde, under leohtum scylde, þær dā mihtigan, wif hyra mægen / beræddon and hȳ gyllende gāras sændan. Ic him dōerne eft wille sændan: flēogende flanne forane tōgēanes.

Ūt, lȳtel spere, gif hit hēr inne sȳ! Sæt smið, slōh seax lȳtel, iserna wund swiðe.

Ūt, lȳtel spere, gif hēr inne sȳ! [11, p. 164].

Громогласны были те, что ехали по горам, решительны они были, те, что ехали по земле. Закрой себя щитом, чтоб избежать напасти. Прочь маленькое копье, если ты внутри! Он стоял под липами, защищенный от света, где могущественные женщины лишают (копья) силы и посылают воюющие копья. Я хочу послать копье против тех, что летят в меня. Шесть кузнецов сидели и ковали железное копье. Прочь маленькое копье, если ты внутри!

Острая боль появляется в образе копья, которое вонзается в тело, противостоять ему могут таинственные женщины и копье, сделанное кузнецами. Эти образы предстают как способные справиться с болью, олицетворяющие силу приготовленного снадобья, которое в данном случае является реальным средством от боли. Так образно, придавая слову особое значение и силу, метафорично представляли в заговоре избавление от боли.

На третьем этапе синкретизм связан с художественными чертами произведений фольклора и проявляется в слиянии разных видов искусства [7, с. 148]. Имея в виду заговоры, можно предположить, что в этот период приобретает большее значение слитность ритуала и текста как художественного произведения, а само исполнение заговора приобретает черты драматического произведения. Известный заговор на плодородие земли *Æser-Vōt*, «образец драматизма м художественного совершенства», состоит из собственно заклинания и описания ритуала [9, с. 103]. Заговор можно рассматривать как сценарий, в котором отображается последовательность сцен с описанием действий и произнесением формульных текстов. Заговор можно условно разделить на семь сцен с указанием места и времени действия, включая два молитвенных текста.

Тексты заговоров эволюционируют, демонстрируя слитность и взаимозависимость компонентов, и предстают ритуально-текстовым симбиозом, которому свойственны целостность и синкретичность.

Итак, одной из черт синкретичности заговора, как сказано выше, является нераздельность ритуала и слова. Само слово *заговор* имеет в своем составе корень *говор*, а следовательно, подразумевает действие «говорить». Англосаксонские заговоры в настоящее время обозначаются словом *charm*, которое в современном английском имеет значение «очарование, чары». По мнению Дж. Найлза, это слово не отражает в полной мере обозначаемого им явления, исключая из него такой компонент, как исполнение ритуала в магическом обряде [12, p. 27]. Исконное слово, обознача-

шее заговор, *gealdor* – magic song, incantation («магическая песнь, заклинание»), восходящее к *galan* – sing, cry («петь, кричать»), семантически более широкое и обозначает действие – «петь, кричать», что, несомненно, сближает его по значению и с русским словом *заговор*.

В англосаксонских заговорах в описании ритуала заклинание вводится либо глаголом *cweð* («сказать»), либо глаголом *sing* («петь»):

(1) *Þænne eft þæt galdor þæt hēr æfter cweð...* [11, p. 166] – «Скажи это заклинание снова...»;

(2) *Sing nygon sīðan in þæt ēare þis galdor...* [Ibid., p. 168] – «Пропой в ухо девять раз это заклинание...».

Дошедшие до нас в письменном виде заговоры, вероятнее всего, сильно отличаются от первоначального своего вида. Надо иметь в виду такие факторы, как устное происхождение и долгое их существование в таком виде. Большому влиянию и, соответственно, изменениям подверглись заговоры в период христианизации, которая привнесла эпические сюжеты и молитвенную направленность в языческие тексты. Тогда произошли также некоторые подстановки в формульные заклинания, что могло повлечь за собой и изменения каких-либо связанных с этим действий. В многочисленных англосаксонских заговорах имеются различные модели построения заговоров: описание ритуала / заклинание / описание ритуала; описание ритуала / заклинание; заклинание / описание ритуала; текст заклинания с включенными в него ритуальными действиями; ритуалы, сопровождающиеся заклинанием в виде «абракадабры».

Первая выделенная выше модель наблюдается в англосаксонском заговоре от острой боли *WIÐ FÆRSTICE*: 1) описание ритуала, 2) вербальная часть, 3) описание ритуала. Приведем пример:

1. *Fēferfūige and sēo rēade netele, ðe purh ærn inwuxð, and wegbrāde; wyll in buteran.* – «[Возьми] ромашку и красную крапиву, растущие около дома, и подорожник; свари их в масле».

2. Вербальная часть заговора, приведенная выше, заканчивается призывом *Helpe ðīn drihten!* – «Помоги, Господи!».

3. *Nim þonne þæt seax, āðð on wætān.* – «Возьми затем нож и погрузи его в эту жидкость» [Ibid., p. 164].

По такой же модели созданы заговоры *WIÐ WYRME* («От червей»), *WIÐ ŪTSIHT* («От диареи»), *ÆCER-BŌT* («На плодородие земли»), *WIÐ WÆTERÆLFÄDLE* («От болезни эльфов») и др.

1. Описание ритуала: *Gif mon biþ onwæterælfädle, þonne bēoþ him þā handnæglaſ wonne and þā ēagan tēarige and wile lōcian niþer. Dō him þis tō læcedōme: eoforþrote, cassuc, fone niopowearð, eowberge, elehtre, eolone, mercmealwan crop, fenminte, dile, lilie, ättorlāþe, pollēie, mārūbie, docce, ellen, felterre, wermōð, strēawbergean lēaf, consolde; ofgēot mid ealaþ, dō hāligwæter tō, sing þis gealdor ofer þriwa.*

2. Текст заклинания: *Ic benne awrāt betest beadowræða, swa benne ne burnon, ne burston, ne fundian, ne feologan, ne hoppettan, ne wund wāco sīan, ne dolh ðiopian; ac him self healde hālewæge, ne ace þe þon mā, þe eorþan on eare ace.*

3. Описание ритуала: *Sing þis manegum sīþum: Eorþe þe onbere eallum hire mihtum and mægenum. Þās galdor mon mæg singan on wunde* [11, p. 94].

Если кто-то заболел болезнью водяных эльфов, его ногти станут черными, а глаза слезящимися и захотят смотреть вниз. Сделайте для них такое средство: возьмите чертополох карликовый, луговик, тисовые ягоды, люпин, девясил, росток зефира, фен-мяту, укроп, лилию, петушиную шпору, пенниройал, маррабул, щавель, бузину, валяние, полынь, земляничный лист и окопник. Замочите их элем, затем смешайте их со святой водой и спойте это заклинание три раза: «Я составил лучшую смесь для этой раны, так что рана не будет ни гореть, ни лопаться, ни нарывать, ни увеличиваться, ни болеть, ни расти, ни углубляться; пусть хранит святую воду для себя, и тогда боли больше не будет, как не будет болеть земля у моря». Спойте много раз: «Пусть Земля заберет боль со всей своей силой и могуществом». Это заклинание петь над раной.

Эту модель можно назвать рамочной, т. к. вербальная часть обрамляется в ней ритуалом.

Следующая модель «описание ритуала / заклинание» также наблюдается во многих заговорах, в частности в заговоре против роя пчел *WIÐ YMBE*:

Nim eorþan, oferweorþ mid þīnre swīþran handa under þīnum swīþran fēt and cweð: Fō ic under fōt; funds ic hit. Hwæt, eorðe mæg wið ealra wihta gehwilce, and wið andan and wið æminde, and wið þa micelan mannes tungan. Forweorþ ofer grēot, þonne hī swirman, and cweð: Sitte gē, sigewif, sīgað tō eorþan, nāfre gē wilde tō wudu flēogan! Bēo gē swā gemindige mīnes gōdes, swā bið manna gehwilc metes and ēþeles [11, p. 168].

Возьми земли и перебрось правой рукой через правую ногу и скажи: «Я поставил на нее ногу, я нашел ее. Земля сильна против всех существ и против ненависти и беспамьяства, и против злого языка. Брось землю на них, когда рой летит и скажи: «Sitte gē, sigewif, sīgað tō eorþan, nāfre gē wilde tō wudu flēogan! Bēo gē swā gemindige mīnes gōdes, swā manna gehwilc metes and ēþeles» [Ibid.] («Сядь-

те на землю, валькирии, не летать вам никогда в лес! Позаботьтесь о моем доходе, как каждый человек заботится о еде и доме»).

Ритуал включает манипуляции с землей и действие, символизирующее достижение цели (поймка роя). Заклинанию, выражаемому императивом и обращенному к валькириям как силам зла, придаются тем самым сила и способность добиться результата.

Неотъемлемость слова в формуле заговора подтверждается наличием в некоторых из них наряду с ритуальной частью вербальной в виде абракадабры. Например, в заговоре против кражи *Wīð þeofentum*:

Luben luben niga efið efið niga fel ceil fel, delf cumer fel orcgaei ceufor dard, giug farig fidig delou deluriph [11, p. 168].

Слову как, несомненно, важной составляющей этого жанра на начальном этапе придавалось особое значение, хотя скорее роль его сводилась к сопровождению действий выкриками, короткими формулами, бессмысленными вербальными заклинаниями. Возможно, именно заговоры с абракадаброй демонстрируют такой подход, когда присутствует набор ритмизованных и частично рифмованных слов непонятного значения, но при этом сохраняется традиционность и прибавляется магия и таинственность.

Напомним, что обрядовые действия могли сопровождаться музыкой, и выделение песни из обряда в дальнейшем привело к появлению эпоса и лиро-эпической поэзии. Но первобытный синкретизм сохранился в обрядово-лирической поэзии, в частности в жанре заговора, в песнях, связанных с аграрной магией и сопровождающих трудовые операции земледельца, в заклинаниях-молитвах, обращенных к различным духам и богам.

Существуют заговоры, в которых ритуальные действия включены в сам текст. Человек произносит слова заговора, выполняя, иногда и мысленно, необходимые для достижения результата действия.

Ic mē on þisse gyrde belūce, and godes helde
bebēode
wīð ðane sāra stice, wīð ðane sāra slege,
wīð ðane grymman gryge,
wīð ðane micelan egsan, þe bið ēghwām lād,
and wīð eal þæt lād, þe intō land fare [Ibid., p. 176].

Защищаю себя этим мечом и отдаю милости Господа против мучительной боли, против внезапной болезни, против боязни жестокости, против ужасающей необъятности всего отвратительного и

против всего, что ненавистно, что может прийти на эти земли.

В заговоре на путешествие ритуальные действия подразумеваются в самом заклинании, когда следует призыв к святым стать путешественнику защитой – кольчугой, шлемом, мечом, щитом:

Biddu ealle blīðum mōde, þæt mē bēo Mapeus helm, Marcus byrne, leoht-līfes gōf, Lucas mīn swurd, scearp and scīrecg, scyld Iohannes, wuldre gewlitegod wega Seraffin [11, p. 178].

Духовный свет всем посылаю и пусть Матфей будет моим шлемом, Марк – кольчугой, Лука – мечом, острым и режущим, Иоанн – щитом, Серафим – копьем.

Приведенные примеры различных моделей построения заговора подтверждают мысль о синкретичности заговора, нераздельности и взаимосвязи двух элементов – ритуального и вербального. Такой ритуально-вербальный симбиоз обусловлен тем, что фольклорный жанр, к которому относится заговор, уходит корнями в архаичную традицию, соединявшую в себе слово, музыку и действие. Из этого синкретичного искусства выделился в качестве отдельного фольклорного жанра заговор, сохранивший цельность двух нераздельных компонентов – ритуала и заклинания. Несмотря на различные модели построения заговора, в нем неизменно присутствуют акциональная и вербальная части, что демонстрирует синкретичность как неотъемлемую черту заговора.

Список литературы

1. Бройтман С.Н. Теория литературы: в 2 т. Т. 2: Историческая поэтика. М., 2004.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.
3. Мелетинский Е.М., Неклюдова С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 39–104.
4. Неклюдов С.Ю. К вопросу о фольклоре и обряде. Миф, символ, ритуал. Народы Сибири: сб. ст. в честь Е.С. Новик. М., 2008. С. 11–22.
5. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 2004.
6. Познанский Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.
7. Сердюк М.А. Фольклорный текст через призму его субстанциональных свойств // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2009. № 2(36). С. 146–149.
8. Толстая С.М. Признак в языке культуры // Живая старина. 2001. № 3. С. 2–3.

9. Топорова Т.В. Др.-англ. *Erce, eorþan mōdor* – русск. *мать сыра земля* // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 102–111.

10. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд. М., 1998.

11. Grendon F. *The Anglo-Saxon Charms*. N.Y., 1909.

12. Niles J.D. *Homo Narrans: The Poetics and Anthropology of Oral Literature*. Philadelphia, 2010.

* * *

1. Brojtman S.N. *Teoriya literatury: v 2 t. T. 2: Istoricheskaya poetika*. М., 2004.

2. Veselovskij A.N. *Istoricheskaya poetika*. М., 1989.

3. Meletinskij E.M., Neklyudova S.Yu., Novik E.S. Status slova i ponyatie zhanra v fol'klоре // *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya*. М., 1994. С. 39–104.

4. Neklyudov S.Yu. K voprosu o fol'klоре i obryade. Mif, simbol, ritual. *Narody Sibiri: sb. st. v chest' E.S. Novik*. М., 2008. С. 11–22.

5. Novik E.S. *Obryad i fol'klор v sibirskom shamanizme: Opyt sopolstavleniya struktur*. М., 2004.

6. Poznanskij N.F. *Zagovory. Opyt issledovaniya proiskhozhdeniya i razvitiya zagovornyh formul*. М., 1995.

7. Serdyuk M.A. Fol'klornyj tekst cherez prizmu ego substancional'nyh svojstv // *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki*. 2009. № 2(36). С. 146–149.

8. Tolctaya S.M. *Priznak v yazyke kul'tury // Zhi-vaya starina*. 2001. № 3. С. 2–3.

9. Toporova T.V. Др.-англ. *Erce, eorþan mōdor* – русск. *mat' syra zemlya* // *Zagovornyj tekst. Genезis i struktura*. М., 2005. С. 102–111.

10. Frejdenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti*. 2-е изд. М., 1998.

Syncretism of ritual and spell's text in the Anglo-Saxon charms

The charms relating to a small folklore genre have both the general traits of the folkloric texts and syncretism. The syncretic character of the charms depends on the archaic character of their origin and the peculiarities of the primitive mythological way of thinking. There are described the different models of the formation of the Anglo-Saxon charms demonstrating the syncretic character of the folkloric texts independent of the structure of its formation.

Key words: *syncretism, folkloric text, ritual, charm, Anglo-Saxon charms.*

(Статья поступила в редакцию 02.02.2021)

О.А. ДОРМИДОНТОВА, Г.Н. ЗАВЬЯЛОВА
(Липецк)

ФРАНЦУЗСКИЙ АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (на примере французских компаративных конструкций с компонентом-зоонимом)

Проводится семантический анализ компаративных конструкций с компонентом-зоонимом во французском языке. Выявлено, что французские зоонимы наделены рядом национально-культурных характеристик и достаточно широко представлены во фразеологическом фонде французского языка. Рассмотренные зоонимы обладают оценочным компонентом, что позволяет расценивать их как одно из средств формирования восприятия реалий окружающей действительности представителями французского лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: *фразеологическая картина мира, зооним, зооморфизм, компаративная конструкция, лингвокультурные характеристики, лингвокультурный знак.*

Фразеологический фонд всякого языка, бесспорно, является хранилищем культурно-исторического богатства национально-языкового коллектива, говорящего на данном языке. Фразеологическая картина мира, являясь частью языковой картины мира, представляет собой строгую систему, формируемую средствами фразеологии. При этом фразеологические обороты выполняют как лингвистические, так и экстралингвистические функции в процессе описания реалий окружающей действительности. Следовательно, можно утверждать, что фразеологическая картина мира – это один из универсальных способов классификации фразеологизмов, основаниями которой выступают как экстралингвистические, так и языковые их особенности [10, с. 162].

Рассуждая о фразеологической картине мира, необходимо отметить одну важную особенность: ее целью является не только отображение менталитета, духа народа, его культурно-исторического опыта в самой яркой образной форме, но и субъективная оценка реалий окружающей человека действительности – предметов, явлений, действий, состояний и т. п. Таким образом, справедливо указать, что фразеологическая картина мира содержит не только рациональную, но и эмоциональную